



ВЗЛЁТ

Истории,
написанные
пилотом
Ту-154

ВАСИЛИЙ
ЕРШОВ



СТРАХ ПОЛЕТА



МОСКВА

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е80

Художник — Александр Соловьев

Ершов, Василий Васильевич.

Е80 Страх полета / Василий Ершов. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Взлет.
Истории, написанные пилотом Ту-154).

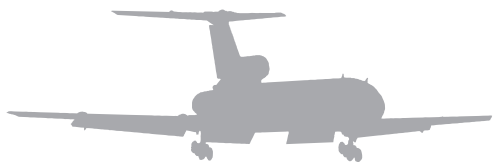
ISBN 978-5-699-97283-8

Немолодой, но опытный пилот Климов ведет воздушное судно в Норильск. Вдруг один из двигателей самолета воспламеняется. Пожар удаётся быстро потушить, но огонь повреждает гидросистему, и Ту-154 полностью теряет управление. Климову чудом удаётся удержать машину в воздухе и направить ее на скованный гладким льдом Байкал. Синоптики передают: к озеру стремительно приближается холодный фронт, идущий из Арктики, и если самолет не успеет сесть до его прихода, то неминуемо разобьется. По самолету ударяет сильный шквалистый ветер сарма. Высота стремительно падает. Отказывает локатор. Один из пассажиров в истерике начинает ломиться в пилотскую кабину. Что произойдет через считанные секунды – не знает никто...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97283-8

© Ершов В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017



СТРАХ ПОЛЕТА

Повесть



«Если бы у летчика был хвост, все бы видели, как он его поджимает».

Поговорка старых пилотов

Авиакомпания рушилась. Созданная в период безвременья на обломках бывшего «Аэрофлота», вовремя прихваченная ловким бизнесменом, она под шумок перестройки сначала быстро набирала силу, притко лавируя между параграфами отстающих от жизни законов, удачно увиливала от вялых проверок бессильных контролирующих органов и благодаря этому щедро давала хозяину горячую, свежую копейку.

Когда свежая копейка превратилась в миллионы, а сеть параграфов стала слишком частой, чтобы сквозь нее можно было безболезненно проскальзывать, авиапредприятие почему-то стало жить в долг, а хозяин предусмотрительно обустроил себе уютный уголок за рубежом, пе-

ревел деньги, вывез семью и, сменив гражданство, умыл руки.

Теперь брошенная на произвол судьбы, увязшая в долгах компания погибала. Поставщики топлива и другие кредиторы предъявили претензии, начались процессы, пошли задержки рейсов, пассажиры неделями сидели на вокзалах, конкуренты оживились — и в конце концов получилось так, что от некогда сильной, активной, казалось бы, надежной компании остался один призрак.

Генеральный ее директор, вдруг ставший мальчиком для битья, метался по службам, пытаясь продлить жизнь авиапредприятия, а значит, подольше получать свое жалованье. Но не только в жалованье было дело. Он попал в сети невыплат зарплаты сотрудникам и теперь, опасаясь ответственности, оговоренной законом, не мог просто так уйти, поэтому каждую неделю летал в Москву, пытаясь выбить, выпросить, вымолить деньги на зарплату.

Да только кто ж ему даст. Хозяин испарился. Москва потирала руки в предвкушении жирного куска. Готовилась процедура банкротства.





Менеджеры, почуяв близкий конец, побежали с тонущего корабля. Летный директор посоветовал пилотам искать другое место работы. Штурманам и бортмеханикам перспектив устроиться на летную работу почти не было, потому что в большинстве авиакомпаний уже практически прекратилась эксплуатация старых советских самолетов с большим экипажем, а вот пилоты, классной подготовкой которых авиапредприятие в свое время славилось, были востребованы везде.

Молодежь начала подавать заявления об уходе. Конкуренты с радостью приютили хорошо подготовленных пилотов; подсуетившись, разобрали и рейсы. Авиакомпания осталась без рынка.

Старым летчикам податься было некуда, они ожидали сокращения и, пока еще чувствовалась жизнь в судорогах компании, изредка подлетывали на таких же, как сами, старых, дорабатывающих свой ресурс лайнерах. Часть из этих машин уже вот-вот должна быть описана за долги, часть — заложена под кредиты; правда, зарплату не платили уже три месяца, и летчики работали просто потому, что была возможность еще раз, может крайний, подняться в небо. Тлевшая в душе надежда, что все еще образуется, угасала.

* * *

Климов ехал на вылет, плохо выспавшись. С того времени, как умерла жена, он вообще неважно спал. Какая-то черная полоса жизни подошла и никак не кончалась. Барахлило здоровье, он с трудом прошел годовую медкомиссию в Москве; на ЦВЛЭК ему ясно дали понять, что в следующий раз уже и деньги не помогут: изношенное сердце не позволит летать.

Действительно, ему было уже под шестьдесят, и выглядел он так, что за спиной говаривали: «Конечно, старик еще держится, но... сдал, явно сдал».

Конечно, он сдал. Рухнул тыл летчика. Дети давно ушли на свои хлеба, разъехались, холодный дом был пуст, туда не хотелось возвращаться после вылета; он охотно летал в долгие командировки и привык к гостиничному невеликому уюту и минимуму потребностей. Рубашки и носки наловчился стирать в раковине, брюки гладить через газету на подстеленном одеяле; всю жизнь проходив в приросшей к коже форменной одежде, он не нуждался в гражданской.

Дни бесконечной чередой улетали под крыло, между полетами была пустота, и Климов при-





вык к постоянному, почти ежедневному ритуалу: гостиница, медпункт, штурманская комната, пилотская кабина, до блеска вытертый его жилистыми руками, облупленный штурвал.

Молодежь поглядывала на старика с почтением, переходящим в священный трепет, когда он за штурвалом показывал руками, как по-настоящему надо творить полет.

Он привык к всеобщему уважению, знал себе цену, и если иногда в общем разговоре вставлял свое веское слово, тема увядала: больше говорить было не о чем.

Климову на разборах нередко поручали выступить перед аудиторией по вопросам, требующим практического решения в полете. Он умел перевести сложное теоретическое обоснование с языка формул и графиков на язык простейших понятий. Летчики любили Климова за то, что он каким-то непостижимым образом, буквально на пальцах, раскрывал суть проблемы, а в полете руками показывал множество вариантов ее решения.

Климов был практик.

Он состарился в полетах и устал от них, но понимал, что, пока жив, надо держать планку так высоко, как только можно.

Как-то он заметил уголком глаза в зеркале кудряшки седых волос у себя на шее, устыдился, сбежал в парикмахерскую и с тех пор строго, придирчиво следил за своей внешностью: чисто брил лицо, седые редкие волосы стриг коротко, засаленный галстук сменил на новый; стрелочки на брюках были безукоризненны, неуклюжие стариковские ботинки сверкали, чистые обшлага выглядывали из рукавов отутюженного пиджака. Он по привычке носил фуражку с «дубами» на козырьке и пиджак с капитанскими шевронами на рукавах, хотя все уже давно перешли на более удобные черные форменные свитера с погончиками, а о фуражках вообще забыли.

Капитан Климов не хотел опускаться.

Злые языки судачили, что, мол, старик после смерти жены пытается найти себе женщину и поэтому так старомодно и тщательно следит за собой. Это была неправда: прожив век с законной женой, иной раз ругаясь с нею по мелочам, иногда даже греша в долгих отлучках, если это можно назвать грехом, он все-таки был семьянин и привык к тому, что после рейса его встречал теплый дом. Безвременная смерть жены бы-





ла для него ударом: он только над гробом понял, что всегда любил ее спокойной, тихой любовью, так же как, наверное, любил свой старый самолет, своих многочисленных, разлетевшихся по свету учеников. После тяжких похорон на сердце осталась рана, в душе — холод, в голове — пустота и тяжесть. Он ушел в себя и на людях все больше молчал.

Сейчас, когда жизненных сил осталось не так много, он понимал, что никакая женщина уже не согреет горюющего по безвременной утрате старика. Не согреют ни взрослые дети, ни подростки и не нуждающиеся уже в нем внуки. Надо держаться и терпеть. Остались одни полеты.

Возвращаться домой после работы не хотелось. Климов подолгу засиживался в эскадрилье, копался в документах, вникал во все нюансы планирования, расстановки и подготовки летного состава, часто летал с проверками летчиков и всегда был готов подменить заболевшего капитана или второго пилота. Старый инструктор летал много, гораздо больше любого командира корабля. И кто бы в любое время ни заходил в эскадрилью, первое, что он видел, была сосре-

доточенная фигура старого капитана, корпевшего над бумагами.

Климов стал, что называется, жрецом авиации, ее символом.

С детьми у Климова были сложные отношения. Сын после армии не захотел заняться каким-либо серьезным делом, все попивал с дружками, потом уехал в другой город, кое-как выучился на гаишника, сшибал деньгу на дорогах — и остановился на этом. Был вполне доволен жизнью, быстро купил иномарку, женился на рыночной торговке; дом был полная чаша, телевизор гремел круглые сутки, внук кое-как учился на тройки и гонял в хоккей.

Сына Климов презирал. Винил себя: с этими вечными полетами следить за детьми было возможно только урывками; он откупался подарками ко дню рождения, возложив воспитательные функции на жену. И сын хоть, правда, и не сбился с дорожки, но вырос без мужицкого хребта: так, вокруг да около, все больше на халяву. Любил мелкую, сержантскую власть, надувал щеки и покачивался с пяток на носки, выморщивая у шоферов взятку. Отец не любил к нему наведы-





ваться, приезжал редко, в основном проведать внука, — но по всему видно было, что повлиять на воспитание пацана невозможно. Он перестал ездить к сыну.

Дочь окончила пединститут, неудачно вышла замуж, развелась, как водится, родила, оставила внучку бабке, а сама, набравшись ума, мотнула в Москву, сумела окрутить столичного парня и теперь жила с московской пропиской, в коммуналке; новый муж потерял работу и попивал. Удалось устроиться воспитательницей в детский садик. Бывая в Москве, Климов заезжал к ним, тихонько совал дочке пачку пятисоток, стараясь лишний раз не общаться с нахальным и высокомерным зятем. Дочку он жалел.

Внучка росла типичной москвичкой; вообще, от деда им всем нужны были только деньги.

Насчет детей он смирился с судьбой. Сыты, крыша над головой есть — и ладно. Пусть крутятся. А в предстоящей борьбе с пенсионной старостью оставалось надеяться только на себя.

Климов все ломал голову, чем он займется на пенсии. Кроме как крутить штурвал, он ничего не умел делать руками. Высшего образования,